

РАССКАЗ КУРЦИЯ РУФА О «ДЕЛЕ ФИЛОТЫ»: ДОСТОВЕРНОЕ, СОМНИТЕЛЬНОЕ И ВЫДУМАННОЕ

Клейменов Александр Анатольевич

д.и.н., старший научный сотрудник,
Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого
alek-klejmenov@yandex.ru

CURTIUS RUFUS' STORY ABOUT THE "PHILOTAS' CASE": AUTHENTIC, QUESTIONABLE AND FICTIONAL

A. Klejmenov

Summary: The historical authenticity of the story about the events related to the execution of the Macedonian commander Philotas in Quintus Curtius Rufus story is under consideration in the article. It is defended that the information which given by the Roman writer can be divided into four categories. The first category includes information that is confidently verified by comparison with the materials of other works. They went back to the reports of early authors, and, above all, to the work Cleitarchus of Alexandria. The second category consists of unique data that are not recorded in other written monuments, but should be assessed as reliable due to their good combination with the content of ancient sources covering related issues. The third category of information is defined as the most problematic, since it includes information, whose historicity cannot be unequivocally confirmed or refuted. The latter group is represented by lengthy speeches of the participants of the events, compiled by Curtius Rufus himself in accordance with the principles of Roman rhetorical artis.

Keywords: Alexander the Great, Curtius Rufus, Philotas, Cleitarchus, Craterus, ancient Roman literature.

Аннотация: В статье анализируется проблема исторической достоверности содержащегося в сочинении Квинта Курция Руфа рассказа о событиях, связанных с казнью македонского военачальника Филоты. Отмечается, что приведенная римским писателем информация может быть разделена на четыре категории. К первой относятся сведения, уверенно верифицируемые посредством сравнения с материалами других сочинений и восходящие к сообщениям ранних авторов, и, прежде всего – к труду Клитарха Александрийского. Вторую категорию составляют уникальные данные, которые не фиксируются в иных письменных памятниках, но должны быть оценены как достоверные благодаря их хорошему сочетанию с содержанием античных источников, освещающих смежные вопросы. Третья категория сведений определяется как наиболее проблемная, так как она включает информацию, историчность которой нельзя однозначно ни подтвердить, ни опровергнуть. Последняя категория представлена пространными речами участников событий, составленными самим Курцием Руфом в соответствии с принципами римского риторического искусства.

Ключевые слова: Александр Македонский, Курций Руф, Филота, Клитарх, Кра-тер, древнеримская литература.

Александр Македонский является очень значимым, многогранным, но и чрезвычайно противоречивым историческим персонажем. Это был одаренный полководец, явивший миру высокие образцы военного искусства, но принесший смерть и разорение на широкие пространства древней Ойкумены, строитель городов и покровитель храмов, уничтоживший шедевры Персеполя, политик, продемонстрировавший немалую прозорливость при выстраивании отношений со своими новыми восточными подданными, однако ставший авторитарным владыкой для македонян. Знаковой вехой в процессе трансформации власти Александра, конечно, стала казнь высокопоставленного македонского военачальника Филоты. Об этом событии нам известно сразу из нескольких античных сочинений, однако наиболее пространный рассказ оставил в своем труде «История Александра Македонского» римский писатель Квинт Курций Руф. Соответственно, процесс исследования обстоятельств «дела Филоты» во многом определен возможностью полагаться на данные из соответствующих разделов этого источника.

Сочинение Курция Руфа, созданное, согласно наиболее распространенным в науке представлениям, в I в. н.э. [13, с. 158–159; 14, с. 242–243; 27, с. 506–507; 36, с. 390], бросает настоящий вызов современному исследователю, прежде всего, из-за своей направленности. Это не столько исторический труд, сколько трактат назидательного характера, в котором автор стремился показать римским современниками предпосылки нравственной деградации Александра и пагубность единоличной власти [7, с. 68; 30, с. 41–42; 34, с. 10]. Курций Руф достаточно легко приносил историческую достоверность в жертву своему литературному замыслу, что сказалось на всей его работе. Рассказ о судьбе Филоты не стал исключением. Этот раздел играл особую роль в структуре сочинения, так как был призван показать читателям приближение Александра к низшей точке морального падения и превращение доблестного вождя в тирана [28, с. 34]. Впрочем, анализ даже указанного фрагмента показывает, что пренебрежительно отбрасывать излагаемые Курцием Руфом сведения, как к тому призывали некоторые исследователи [26, с. 60; 32, с. 91–106], нельзя. Убедиться в этом позволяет комплексный анализ представленных

римским писателем данных, базирующийся, прежде всего, на их сравнении с другими компонентами античного письменного наследия.

В результате исследования посвященных «делу Филоты» фрагментов, представленных в последних пяти главах шестой книги и первых двух главах седьмой книги сочинения Курция Руфа, могут быть выделены четыре категории сведений, различающихся степенью достоверности и научной значимостью. К первой категории относится информационный массив, напрямую верифицируемый через простое сопоставление данных «История Александра Македонского» и иных античных сочинений, повествующих о тех же событиях. Так, рассказ Курция Руфа о планируемом Димном покушении на царя и его разоблачении (Curt., VI, 7, 1–30) более пространен чем соответствующие фрагменты других источников, однако содержит многие детали, прямо пересекающиеся с информацией Диодора (Diod., XVII, 79, 1–4) и Плутарха (Plut., Alex., 49). Это указания на интимный характер взаимоотношений Димна и Никомаха, важную роль Кебалина в провале заговора, его неоднократные встречи с Филотой для извещения царя о нависшей опасности. В большей степени близки сведения Курция Руфа и Диодора. Так, оба автора схожим образом описывают встречу Кебалина и Александра в оружейной (Curt., VI, 7, 23; Diod., XVII, 79, 5), упоминают самоубийство Димна при попытке ареста (Curt., VI, 7, 29; Diod., XVII, 79, 5–6), в то время как Плутарх сообщает о его гибели из-за оказанного сопротивления (Plut., Alex., 49). Вместе с тем, вполне хорошо пересекается с данными Плутарха общая канва рассказа Курция Руфа о пытках Филоты: оба писателя упоминают, что в «допросе с пристрастием» участвовал Гефестион, а Александр ждал окончания этого действия в примыкающем помещении (Curt., VI, 11, 10–19; Plut., Alex., 49). Кроме того, пытки, которым подвергся Филота, упоминает и Юстин (Iust., XII, 5, 3). Нельзя не отметить близость сообщений Курция Руфа и Диодора о казни Филоты и других обвиненных в заговоре лиц. Так, первый из авторов упоминает побивание их камнями согласно «отеческим обычаям» (Curt., VI, 11, 39), второй – казнь по «македонским обычаям» (Diod., XVII, 80, 2). Факт наличия прямых параллелей между информацией Курция Руфа и Диодора показывает, что по многим случаям римский писатель следовал за ранней исторической традицией, базирующейся на сочинении Клитарха Александрийского [6, с. 326; 8, с. 13; 20, с. 17].

Прямое сопоставление приведенных Курцием Руфом данных с иными сведениями позволяет выявить признаки использования материалов и других ранних авторов. В частности, после описания казни Филоты Курций Руф сообщает об умерщвлении не сумевшего найти слов в свое оправдание Александра Линкестийца, кратко упоминая обстоятельства его дела (Curt., VII, 5, 9).

Диодор схожим образом пишет о последовавшей казни Александра Линкестийца и его неудачной защите (Diod., XVII, 80, 2), но рассказ Курция Руфа о предыстории дела в одних аспектах схож с материалом Диодора (Diod., XVII, 32, 1–2), в других – со сведениями Арриана (Anab., I, 25, 1–10). Согласно распространенному в историографии объяснению, это является признаком совмещения в повествовании Курция Руфа сведений двух разных источников [4, с. 248–249; 12, с. 30]. Не менее примечательно сравнение обширного повествования Курция Руфа о развернувшемся после казней суде над братьями Аминтой, Симмией и Полемоном (Curt., VII, 1, 10) с соответствующим разделом сочинения Арриана (Anab., III, 27, 1–3). Последний также упоминает суд над братьями, указывая еще одного из них – Аттала, схожим образом сообщает о бегстве и возвращении Полемона, активной и умелой защите Аминты. Смысловая близость сведений Курция Руфа к рассказу Арриана говорит об использовании первым автором материалов некоего раннего источника, по содержанию близкого к источнику Арриана, но ему явно не тождественному. По одному из предположений, здесь Курций Руф мог опереться на сочинение Диила Афинского [16, с. 138].

Вторая категория сведений, содержащихся в рассказе римского автора, обладает особой научной значимостью. Это информация, которая в других сочинениях не фиксируется, но может быть признана достоверной в результате ее сопоставления с источниками, освещающими смежные вопросы. Так, говоря о начале расследования участия Филоты в заговоре, Курций Руф сообщает о направленной против Филоты речи Кратера (Curt., VI, 8, 2–9). В других частях античного нарратива о ней данных нет, однако описанное римским автором поведение Кратера хорошо соотносится с информацией Плутарха, который указывает, что именно Кратер в Египте привел к Александру женщину по имени Антигона, передавшую принижавшие царя слова Филоты, а также упоминает речи соратников Александра, ненавидевших Филоту и призывавших считать его заговорщиком (Plut. Alex., 48–49; Plut., Moral., 339e–f). Благодаря этим параллелям указание Курция Руфа на особую роль Кратера в событиях следует считать достоверным [21, с. 104–105], однако, возможно, несколько утрированным [3, с. 49–50]. Также весьма примечательно приведенное в «Истории Александра Македонского» подробное описание процедуры взятия Филоты под стражу (Curt., VI, 8, 17–22), не имеющее аналогов в произведениях других писателей, но содержащее ряд деталей, косвенно свидетельствующих о реальности событий. В частности, римский автор упоминает, что доверенными лицами, пришедшими перед арестом Филоты в царские покои, были Гефестион, Кратер, Кен, Эригий, а также телохранители Пердикка и Леоннат. Особо важным следует признать указание на последних двух человек, которые, судя по комплексу письменных

свидетельств, в данное время действительно входили в число царских телохранителей [19, с. 291–292]. Самим задержанием Филоты, согласно Курцию Руфу, руководил Аттарий. Этого воина римский автор упоминает в своем произведении неоднократно. В частности, именно ему приписывается прекращение отступления молодых македонян под Галикарнассом (Curt., V, 2, 5; VIII, 1, 36), известного также по сообщению Диодора (Diod., XVII, 26, 2–27). О заслуженном воине Аттарии из армии Александра пишет и Плутарх (Plut., Moral., 339b). Это позволяет полагать, что сцена ареста не была выдумана Курцием Руфом, а описывалась при опоре на некий ныне неизвестный источник [4, с. 225]. К числу уникальных, но явно имеющих историческую основу свидетельств относится и сообщение Курция Руфа о македонском командире Болоне, на собрании изобличившим пороки Филоты и его пренебрежительное отношение к царю (Curt., VI, 11, 1–7). В историографии присутствует оценка Болона как выдуманного Курцием Руфом персонажа [23, с. 73], однако наличие в македонском ономастиконе IV в. до н.э. приводимого имени позволяет видеть в Болоне реального участника событий [4, с. 237–238; 33, с. 69, 282–283].

Третью группу данных из рассматриваемого фрагмента «Истории Александра Македонского» можно признать самой проблемной для современного исследователя. Ее составляет информация, достоверность которой не может быть окончательно ни подтверждена, ни опровергнута. Так, весьма неоднозначно указание Курция Руфа на наличие у македонян старого обычая, в соответствии с которым царь расследовал преступления, но приговор выносился войском или народом (Curt., VI, 8, 25). Согласно первой точке зрения, данный фрагмент достоверно отражает особенности македонской политико-правовой системы [1, с. 46; 5, с. 130; 17, с. 271–272]. Сторонники противоположного мнения указывают на неаккуратное обращение Курция Руфа с юридическими понятиями и отсутствие обязательного следование упоминаемой им норме в период правления Александра [2, с. 138–149; 25, с. 96–97]. Другие столь же критично настроенные по отношению к приведенной информации исследователи полагают, что Курций Руф в искаженном виде описал не македонские, а ранние римские политико-правовые реалии [4, с. 226–227; 35, с. 81–82]. Трудности вызывает сообщение Курция Руфа о наличии у македонян закона, предусматривавшего казнь родственников лиц, злоумышлявших против царя (Curt., VI, 11, 20). Других указаний на наличие в Македонии этого закона нет. Часть специалистов считают его реальной правовой нормой [9, с. 364; 15, с. 175; 31, с. 423–424], а другие связывают сообщение со стремлением Курция Руфа или его источника снять с Александра ответственность за последовавшее убийство Пармениона [6, с. 332; 32, с. 271–272]. Столь же противоречиво упоминание заговора, который якобы ранее готовил против Александра македонский военачальник Гегелок (Curt., VI, 11, 21–29). Так как более нигде заговор не фиксируется, высказан вывод, что рассказ о нем недостоверен и появился в результате желания оправдать расправу над Филотой и его отцом Парменионом [6, с. 332]. По другой версии, приведенная Курцием Руфом информация взята из неизвестных ранних источников и верно отображает нереализованные намерения Гегелоха [22, с. 84–87].

Четвертый информационный блок включает явно неисторичный материал, возникший благодаря самому Курцию Руфу. Это речи участников событий, которые составляют самую большую часть текста рассматриваемых разделов «Истории Александра Македонского». Следует согласиться с тем, что приведенные римским автором пространные выступления исторических персонажей, а также чрезвычайно детальные описания их поведения не могли в том же виде быть представлены в предшествующей исторической традиции и появились в результате литературных усилий автора [10, с. 11; 24, с. 118; 32, с. 94]. Последний не просто дал волю фантазии, а составил речи согласно принципам высокой римской риторики. Особо показательно описанное Курцием Руфом большое выступление Аминты, позволившее ему в итоге снять с себя обвинения (Curt., VII, 1, 18–36). Как отмечается в историографии, общим посылом и отдельными оборотами оно очень схоже с произнесенной во времена императора Тиберия речью Марка Теренция, переданной Тацитом (Ann., VI, 8, 1–3). Это сугубо римское произведение, но точно установить кто был создателем первой литературной версии речи на настоящий момент не представляется возможным [11, с. 564–566; 18, с. 69–70; 29, с. 80–81].

Конечно, рассмотренными выше информационными блоками не исчерпывается весь перечень вопросов, связанных с содержащимся в сочинении Курция Руфа рассказом о «деле Филоты». Тем не менее, приведенный материал дает возможность утверждать, что данный раздел обозначенного письменного памятника нельзя расценивать лишь как плод фантазии автора. Перед нами чрезвычайно сложное историко-литературное явление, объединившее в себе как ценные, а местами просто уникальные сообщения ранней исторической традиции, так и плоды риторико-литературных усилий римского писателя, созданные в соответствии с принятыми в его обществе традициями и общим замыслом труда. Сведения Курция Руфа не просто могут, но и должны использоваться в процессе исследования обстоятельств раскрытия заговора и последовавшего суда, однако они требуют чрезвычайно аккуратного обращения, подразумевающего тщательное препарирование информации с учетом всего комплекса связанных с эпохой Александра письменных свидетельств и специфики римских литературных реалий времен Ранней империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Adams W.L. Macedonian Kingship and the Right of Petition // *Ancient Macedonia 4: Papers Read at the Fourth International Symposium*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1986. P. 43–52.
2. Anson E.M. Macedonian Judicial Assemblies // *Classical Philology*. 2008. Vol. 103. P. 135–149.
3. Anson E.M. The Macedonian Patriot: The Diadoch Craterus // *Ancient History Bulletin*. 2012. Vol. 26. No. 1. P. 49–58.
4. Atkinson J.E. A Commentary on Q. Curtius Rufus' *Historiae Alexandri Magni*. Books 5 to 7.2. Amsterdam: Adolf Hakkert, 1994. 284 p.
5. Aymard A. Sur l'assemblée macédonienne // *Revue des Études Anciennes*. 1950. Vol. 52. P. 115–137.
6. Badian E. The Death of Parmenio // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1960. Vol. 91. P. 324–338.
7. Baynham E. Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. 237 p.
8. Baynham E. The Ancient Evidence for Alexander the Great // *Brill's companion to Alexander the Great* / Edited by J. Roisman. Leiden – Boston: Brill, 2003. P. 3–29.
9. Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 1. Commentary on books I–III. Oxford: Clarendon Press, 1980. 396 p.
10. Bosworth A.B. Introduction // *Alexander the Great in Fact and Fiction* / Edited by A.B. Bosworth, E.J. Baynham. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 1–22.
11. Bosworth A.B. Mountain and molehill? Cornelius Tacitus and Quintus Curtius // *Classical Quarterly*. 2004. Vol. 54. No. 2. P. 551–567.
12. Carney E.D. Alexander the Lyncestian: The Disloyal Opposition // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1980. Vol. 21. No. 1. P. 23–33.
13. Devine A.M. The «Parthi», the Tyranny of Tiberius, and the Date of Q. Curtius Rufus // *Phoenix*. 1979. Vol. 33. No. 2. P. 142–159.
14. Fugmann J. Zum Problem der Datierung der «*Historiae Alexandri Magni*» des Curtius Rufus // *Hermes*. 1995. Bd. 123. Hf. 2. S. 233–243.
15. Hammond N.G.L. The Macedonian State: Origins, Institutions and History. Oxford: Clarendon Press, 1989. 413 p.
16. Hammond N.G.L. Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 205 p.
17. Hatzopoulos M.B. Macedonian Institutions under the Kings. Vol. I. A Historical and Epigraphic Study. Athens: De Boccard, 1996. 554 p.
18. Heckel W. Notes on Q. Curtius Rufus' History of Alexander // *Acta Classica*. 1994. Vol. 37. P. 67–78.
19. Heckel W. «Somatophylakia»: A Macedonian «Cursus Honorum» // *Phoenix*. 1986. Vol. 40. No. 3. P. 288–292.
20. Heckel W. The Conspiracy Against Philotas // *Phoenix*. 1977. Vol. 31. No. 1. P. 9–21.
21. Heckel W. The Marshals of Alexander's Empire. London – New York: Routledge, 1992. 448 p.
22. Heckel W. Who Was Hegelochos? // *Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge*. 1982. Bd. 125. Hf. 1. P. 78–87.
23. Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great. Malden – Oxford: Blackwell, 2006. 389 p.
24. Kapetanopoulos E. Alexander's Patrius Sermo in the Philotas Affair // *Ancient World*. 1999. Vol. 30. No. 2. P. 117–128.
25. Lock R. The Macedonian Army Assembly in the Time of Alexander the Great // *Classical Philology*. 1977. Vol. 72. No. 2. P. 91–107.
26. McKechnie P. Manipulation of Themes in Quintus Curtius Rufus Book 10 // *Historia*. 1999. Bd. 48. Hf. 1. P. 44–60.
27. Milns R.D. The Date of Curtius Rufus and the «*Historiae Alexandri*» // *Latomus*. 1966. T. 25. Fasc. 3. P. 490–507.
28. Müller S. Alexander, Dareios und Hephaestion. Fallhöhen bei Curtius Rufus // *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption* / Hrsg. H. Wulfram. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2016. S. 13–48.
29. Pausch D. Alexander in der Toga? Techniken der Aktualisierung bei Curtius Rufus zwischen delectare und prodesse // *Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption* / Hrsg. H. Wulfram. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2016. S. 73–98.
30. Peltonen J. Alexander the Great in the Roman Empire, 150 BC to AD 600. London – New York: Routledge, 2019. 260 p.
31. Robinson C.A. Alexander the Great and Parmenio // *American Journal of Archaeology*. 1945. Vol. 49. No. 4. P. 422–424.
32. Tarn W.W. Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. 447 p.
33. Tataki A.B. Macedonians Abroad: A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia. Athens: De Boccard, 1998. 584 p.
34. Thomas C.G. Alexander the Great in his World. Oxford: Blackwell, 2007. 254 p.
35. Walbank F.W. The Hellenistic World. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 288 p.
36. Zimmermann R. Die Zeit des Geschichtschreibers Curtius Rufus // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1930. Bd. 79. S. 381–390.

© Клейменов Александр Анатольевич (alek-klejmenov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»